Кишур Зелретч фон Швайнорг сидел в кабинете своих комнат в Часовой башне и писал мемуары. Его разум был только наполовину занят работой, а другая половина была занята решением головоломки, которую он недавно обнаружил.

Владение калейдоскопом давало больше, чем возможность путешествовать между параллельными измерениями — это была работа параллельных измерений. Когда он полностью применил его, он мог узнать каждую соответствующую деталь о любой желаемой реальности. Это давало определенную степень всеведения.

Это была великая и мощная способность, но она стоила дорого. Когда-то он был молодым и многообещающим магом, который искал Акашу, как и все остальные. Его избранной областью исследования было раскрытие природы реальности. Благодаря своему таланту он не по дням, а по часам превзошел своих сверстников, пока в одном последнем эксперименте не нашел его. К сожалению, попытка полностью понять извилистую природу вселенной разрушила его разум.

Таким образом, вместо того, чтобы использовать свою власть над всеми возможными реальностями, чтобы улучшить их или продолжить свои прежние исследования Акаши, он в основном использовал ее для собственного развлечения.

Конечно, он нёс некоторую ответственность по отношению к своему родному измерению. Когда Багровая Луна Брюнстад попытался уничтожить Землю, врезав в нее Луну, он призвал силу мультивселенной, чтобы победить угрозу, но напряжение серьезно подорвало его способность использовать Калейдоскоп в его истинном потенциале. Однако даже когда он стал Предком Мертвых Апостолов, он не позволил этому изменить свою прочеловеческую позицию.

Когда Война за Святой Грааль только начиналась, он помогал трем семьям-основателям в создании как системы, так и правил. Именно этот ритуал теперь вызывал у него головную боль.

Если верить информации, которую он почерпнул из Калейдоскопа, — а у него было мало причин сомневаться в ней, — Айнцберны пытались обмануть в какой-то момент во время Третьей войны. Их усилия каким -то образом заразили Святой Грааль зороастрийским богом зла . Он покачал головой, задаваясь вопросом, что за безумие заставило Айнцбернов позволить злому божеству завладеть их драгоценным Граалем.

С другой стороны, возможно, ему не следует бросаться камнями, когда дело доходит до безумия.

Теперь, когда Четвертая война подходила к концу, ситуация только усугублялась. Кирицугу Эмия, знаменитый Убийца Магов, собирался раскрыть порчу Грааля и попытаться уничтожить его. Конечно, он потерпит неудачу, и Мато соберут осколки для использования в следующей войне.

Без вмешательства Пятая Война за Грааль положит конец человечеству. В большинстве вселенных этому препятствовало вмешательство некоего Широ Эмии — приемного сына

Убийцы Магов. Мальчик с помощью любых средств добился бы как окончательного прекращения войны, так и разрушения Ангра-Майнью. Разочарование Зелретча возникло из-за того, что в его вселенной не было такой фигуры.

Прямое вмешательство, к сожалению, не принесло бы пользы. В своем ослабленном состоянии он не мог позволить себе сойтись лицом к лицу с богом — и это было не в его стиле. Он всегда был скорее пассивным наблюдателем. Если бы ему пришлось вмешаться и разобраться с этой войной, он бы не сделал этого напрямую; он найдет того, кто сделает это за него.

Сгорбившись за своим столом, он закрыл глаза и открыл канал во вселенную. Бесконечные реальности промелькнули перед его глазами, но он сузил поиск, чтобы найти то, что искал. Ему нужен был кто-то достаточно молодой, чтобы его можно было легко втянуть в войну — предпочтительно кто-то с магическими способностями. Конечно, Зелретч не был бессердечным человеком, поэтому он также расширил свои поиски, включив в них осиротевших и страдающих от жестокого обращения; он не должен был брать ребенка из любящей семьи.

Он думал, что выиграть Войну за Грааль тоже нелегко; Имея это в виду, он добавил поля хитрости, интеллекта и магической силы.

Из-за природы всеобщей вселенной даже с этими квалификаторами число кандидатов теоретически было бесконечным. Столкнувшись с таким монументальным решением — решением, которое вполне может решить судьбу всего его мира, — он отнесся к нему со всей мудростью и зрелостью, ожидаемыми от человека в его положении.

« Ини, мини, мини, моэ », — напевал он, прикрывая рукой глаза. В конце его палец остановился на визуальном представлении одной конкретной вселенной и мальчика, живущего в ней; вселенная ведьм и волшебников, и мальчик, который, как никто не думал, когда-либо достигнет чего-либо.

Посмеиваясь, Волшебник Маршалл надел пальто и исчез во вспышке цвета.

Шестилетний Гарри Поттер всхлипнул, пытаясь вытереть кровь из носа. Во второй раз за неделю дядя избил его и вышвырнул из дома. Он до сих пор не знал, почему все это началось. Два года назад его тетя и дядя просто души не чаяли в нем, устроив грандиозную вечеринку на его четвертый день рождения. Несколько недель назад родился его младший кузен Дадли, и тетя Петуния позволила ему подержать младенца.

Будучи новорожденным, Дадли тошнило на Гарри. Именно тогда и случилось то странное , о чем кричал ему дядя Вернон. Ему была противна рвота ребенка, и, осторожно вернув Дадли тете Петунии, они поднялись наверх, чтобы переодеть ему рубашку, чтобы он мог вернуться на свою вечеринку.

За исключением того, что ему не нужно было менять рубашки. Когда они добрались до его спальни, он почувствовал это скручивающее ощущение в животе, от которого его самого чуть

не стошнило, а когда он посмотрел вниз, рвоты его кузена уже не было. Тетя Петуния только что стояла и смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Она позвала дядю Вернона, и когда он поднялся наверх, чтобы узнать, из-за чего вся эта суета, тетя Петуния что-то прошептала ему на ухо.

Лицо дяди Вернона побледнело, затем позеленело, прежде чем окончательно остановиться на фиолетовом. Он топал вниз по лестнице, громко и яростно заявляя, что вечеринка окончена, и кричал, чтобы все покинули его дом.

Как только дом опустел, Вернон набросился на Гарри и потащил его за воротник рубашки вниз по лестнице. Немного подумав, он запихнул Гарри в чулан под лестницей и поставил стул перед дверью, чтобы она не закрывалась. Гарри безрезультатно стучал в дверь, прежде чем рухнуть на стену, плача.

Лежа в темноте среди пыли и пауков, он слышал, как дядя Вернон и тетя Петуния громко спорят. Он мало что понимал из того, о чем они говорили, но кое-что слышал.

« Нам обещали, Пэт, что в этом мальчике не будет абсолютно никаких уродств! Никаких! Вот почему они хотели заложить его нам! Не хотели, чтобы нормальный мальчик вырос среди уродов! и относился к нему как к сыну, и вот как он отплатил нам? Предав это доверие и выпустив на волю свою причудливость ?

" Вернон, дорогой, мы не можем просто вернуть мальчика. Старик, Дамблдор, сказал, что моя сестра и ее муж собираются спрятаться. Что-то о каком-то злобном уроде. Если они прячутся от своих собратьев-уродцев ", мы точно не сможем их найти. Нет, наша единственная надежда, что они придут за ним, когда ему исполнится одиннадцать. Именно тогда Лили получила письмо из той школы. Если мы будем держать его до тех пор, мы сможем отошлите его обратно к себе подобным » .

Гарри услышал, как его дядя издал разочарованный рык, и что-то похожее на звук удара кулаком по столу.

« Я соглашусь с этим, Пет, но это не значит, что мне это должно нравиться. Я заставлю этого урода сожалеть о том, что он ворвался в нашу жизнь и предал наше доверие. его, если я должен " .

« Я не сомневаюсь в этом, дорогая. Нисколько » .

Прошел еще день, прежде чем дядя Вернон открыл дверцу чулана, но только для того, чтобы позволить Гарри воспользоваться ванной.

«Не хочу, чтобы какой-то урод заполонил мой дом своим бардаком», — пробормотал его дядя. Когда Гарри попытался спросить, что происходит, его дядя только что ударил его и толкнул в ванную.

Это в значительной степени задало тон на следующие два года. Он практически не общался ни с тетей, ни с дядей. Если он говорил, его били. Если он плакал, его били. Если он пытался получить больше еды, чем те объедки, которые ему кинул дядя, он терпел поражение. Как только его «накормили» и отпустили в туалет, его снова заперли в чулане.

Единственные заметные отклонения от этого распорядка были, когда у него случился инцидент «причудливости». Это никогда не было весело. Они были тем, что имело Гарри в его нынешней ситуации. Дядя Вернон бросил ему кусочек тоста, но Гарри был так голоден, что ощутил это жуткое скручивание — следующее, что он осознал, — тост на целую буханку. Дядя сразу заметил это, и началась обычная рутина. Его ремень сорвался, и металл попал Гарри в нос. Он упал на колени, глаза слезились. Его зрение могло затуманиться, но он мог различить багровое лицо своего дяди, кричащего на него.

Он определенно почувствовал, как что-то сломалось, когда нога дяди попала ему прямо в ребра. К счастью, они уже чудесным образом исцелились, когда это произошло несколько дней назад.

"ВНЕ!" — взревел дядя, и дыхание Гарри прервалось, когда дядя схватил его сзади за воротник и начал тащить к двери — вольно или невольно душив его. Гарри обмяк, понимая, что с этим не поспоришь. Спать на полу шкафа было плохо, но, по крайней мере, там было тепло и сухо. Любой случай причудливости приводил его к тому, что его запирали в садовом сарае на несколько дней.

Когда дверь сарая закрылась и Гарри услышал щелчок висячего замка, он начал делать все возможное, чтобы обработать свои раны. Его нос и ребра определенно были сломаны, но это было нормально. Как единственное спасительное изящество его причудливости, всякий раз, когда он ложился спать, любые раны, которые у него были, обычно заживали утром. Что действительно пугало его, так это то, что его приступы причудливости становились тревожно более частыми. Он не был уверен, сколько еще его дядя будет терпеть это, прежде чем сделать что-то... радикальное.

— Вы совершенно правы, знаете ли, — раздался голос позади него. Гарри вскарабкался на стену сарая и попытался разглядеть человека, стоящего на противоположном конце. Было очень темно, но он смог различить силуэт высокого мужчины. Он хотел было позвать дядю, но не был уверен, услышит ли его дядя — или ему будет все равно.

"Ч-что?" — испуганно спросил Гарри.

«Вы правы, — ответил голос, — по обоим пунктам. Ваши случаи случайной магии учащаются. Судя по вашим темпам, я прогнозирую вашу смерть от рук вашего дяди примерно через месяц».

Гарри задохнулся. Он не сказал этого вслух. Читал ли этот человек его мысли? Однажды он видел по телику фокусника, который мог читать мысли, но дядя Вернон выключил его, как только увидел. Тем не менее, это стоило вопроса.

"Ты волшебник?" — спросил он, все еще напуганный, но в то же время взволнованный перспективой. Из ниоткуда яркий свет осветил внутреннюю часть сарая. Мужчина шагнул вперед, и в свете Гарри увидел его красные глаза и ликующую улыбку. В Гарри начало закрадываться подозрение, что этот человек слегка… чокнутый, как, вероятно, выразилась бы тетя Петуния, или «чертов псих», как почти наверняка сказал бы дядя Вернон.

«Почему да, — объявил мужчина тоном единственного, кто понимает шутку, — да, я. Я лучший фокусник на свете — фактически, знаменитый этим».

Мужчина опустился на колени перед Гарри, чтобы оказаться на уровне его глаз.

— Так скажи мне, Гарри Поттер, не хотел бы ты тоже стать волшебником?

Волшебник Маршалл вернулся в свои покои счастливой легкой скачкой. Мальчик, которого он… одолжил, соответствовал всем критериям, которые он искал, — немного наивен, но мальчику было шесть лет. Он положил своего нового подопечного на рабочий стол и использовал структурный анализ, чтобы проверить здоровье и магию мальчика.

Одно условие, которое он поставил при поиске Калейдоскопа, заключалось в том, что магия цели должна быть совместима с магией магов. Имея это в виду, он исследовал волшебное приближение к магическим цепям. Из того, что он смог собрать, вместо многочисленных магических цепей, распределенных по всему телу, которые генерировали прану при использовании, у волшебников было одно массивное магическое ядро, в котором уже существовал резерв праны, который пассивно перезаряжался. Таким образом, волшебники обладали большей выносливостью, в то время как маги имели доступ к большей силе одновременно.

Конечно, наличие только одного выхода для магии серьезно ограничивало возможность волшебника практиковать свою магию без использования мистического кода. Они, казалось, компенсировали это, создавая усиливающие мистические коды из останков изначально волшебных призрачных существ, таких как драконы или фениксы.

Теперь получение таких материалов было бы проблемой во вселенной, где средний призрачный зверь либо вымер, либо богоподобен по силе. Не говоря уже о том, что магическая система юного Гарри должна была сойти за магию. Очевидным решением было модифицировать ядро мальчика и превратить его в электрическую систему.

В конце концов, он был Волшебником Маршаллом. Как трудно это может быть?

Через шесть часов и четыре случая остановки сердца магическое ядро Гарри превратилось в сеть ровно из сотни высококачественных магических цепей. После размышлений еще один хитрый план проложил себе дорогу в сгущенном легкомыслии, которое было мозгом Зелретча.

Прошло так много времени с тех пор, как у него в последний раз был ученик. С тех пор, как

последний был съеден шогготом, Лорелей настояла на своем и сказала ему, что больше не посылает многообещающих магов для использования в качестве межпространственного пушечного мяса. Зелретч вздохнул и принял это. По крайней мере, на поверхности.

Его глаза скользнули по мальчику на импровизированном операционном столе. Он уже занимался аутсорсингом; что плохого в проверке маленькой теории, над которой он работал? Это было связано с воздействием Истинной Магии на магический герб. Целью любого герба была передача магической энергии в виде цепей и готовых заклинаний, придуманных владельцами герба.

Но сработает ли True Magic на гербе?

Есть только один способ выяснить это, решил Зелретч.

Сильно страдавший Зелретч хрипел, опускаясь на стул. Изрядное количество его магических цепей было выведено из строя в битве с Багровой Луной, но это не обязательно означало, что они не будут работать ни у кого другого.

С этой мыслью он мучительно вырезал двадцать пять инертных контуров и превратил их в фамильный герб. Однако он воздержался от наполнения их Калейдоскопом. Если кто-нибудь взглянет на гребень в его нынешнем виде, он покажется просто скоплением цепей; но с Истинной Магией в них его подопечный подвергнется гораздо большему контролю.

На данный момент он решил, что сделал для мальчика все, что мог. Он проинформировал Гарри о приближающемся ухудшении жилищных условий и пообещал, что наступит день, когда все будет хорошо.

После двух лет жестокого обращения со стороны Дурслей Гарри все еще жаждал возможности. Зелретчу хотелось подробно объяснить, с какими испытаниями предстоит столкнуться мальчику, но он знал, что это было плохое решение и что мнение мальчика не изменится.

Было слишком поздно вмешиваться в Четвертую войну, и это не имело бы значения. Домино, которое разожжет Пятую Войну, уже выпало, так что все, что мог сделать Зелретч, — это пойти по линии и вставить свою фишку.

« Удачи », — прошептал он, положив руку на лицо Гарри и используя калейдоскоп, чтобы отправить его в путь.

Для раннего доступа к главам подпишитесь на мой boosty: https://boosty.to/kitofff

http://tl.rulate.ru/book/81126/2486494